

Фор-Пойнтс

Дип-Даунс

Дом Ширин

Первый Угол

Прачечная

Лаборатория Третьего Угла

Школа Фор-Пойнтса

Пятый Угол

Четвертый Угол

Адвокатская контора Лукаса

Кофейня «Сладкая парочка»

Родник Четвертого Угла

Заповедник

Ферма Третьего Угла

Дом Дастина

Пик Второго
Угла

Больница Первого
Угла

Второй
Угол

Универмаг

Библиотека Фор-Пойнтса

Дом Хьюго

Дом Альмы

Третий
Угол

Высоко-высоко в небесах бесконечно сияют Звезды.

О, как они великолепны, восхитительны и полны загадок!

Но известно ли вам, душечки, что и вы созданы из той же материи, что и Звезды?

Известно ли вам, что и вы наполнены тем же Светом, той же Квинтэссенцией?

Продолжайте читать — и вы познакомитесь с этими и многими-многими другими истинами.

*Квинтэссенция: учебник по восстановлению
Звезд для начинающих*

*Написан истинным Парацельсом,
Небесным Чадам, Хранителем Света,
Иллюминистом всех времен*

Часть 1

ФЛАЕР

Глава 1

В самом центре городка Фор-Пойнтс¹ стоял магазин под названием «Пятый угол».

Да, «Пятый угол» был магазином, но в нем ни разу никому не продали ни единой вещи. Он занимал маленькое квадратное кирпичное здание, втиснутое между кофейней и прачечной, из-за чего воздух вокруг него всегда пах смесью чего-то едко-сладкого.

На каждой из четырех стен здания располагались витрины с настолько грязными, замызганными и заляпанными стеклянными панелями, что невозможно было разглядеть выставленные на них товары. А рядом с каждой витриной находилась дверь.

И над каждой дверью висела деревянная табличка, надпись на которой когда-то блестела позолотой, но теперь потускнела и стерлась. Каждая табличка гласила:

«Пятый угол»

И ниже:

«Обслуживание только по предварительной записи»

¹ Фор-Пойнтс (от англ. *four-point*) — четырехугольный. — Здесь и далее прим. пер.

О том, как записаться, на табличке сказано не было. О том, что продавалось в магазине и кто был его владельцем, — тоже. И этого не знал почти никто в Фор-Пойнтсе, потому что жители городка практически никогда не заходили внутрь «Пятого угла».

Зато многие бывали над ним.

Потому что из крыши «Пятого угла» поднимался вращающийся, длинный и тонкий железный шпиль цвета полуночного неба. Он возвышался над другими магазинами и всем городом, образуя на конце, словно распутившийся цветок, платформу в виде звезды.

И от каждого из четырех углов здания отходили устойчиво и твердо приваренные к крыше лестницы. На их перекладинах на уровне глаз была выгравирована надпись:

Поднимайтесь наверх, душечки.

Смотрите на свет в небесах.

Вращивайте Свет внутри себя.

А внутри «Пятого угла» находился тот, кто все это время наблюдал и ждал тех избранных, кто придет, увидит и взрастит этот Свет.

Глава 2

Если бы флаер не прилип к входной двери школы, Альма Лукас ни за что бы его не заметила, ведь она спешила.

А спешила Альма потому, что наступил конец учебного дня. Скоро должен был прозвенеть звонок, а затем коридор наполнился бы толпой школьников.

Почти каждый раз *это* случилось с ней именно здесь, в коридорах, заполненных толпой школьников.

И меньше всего Альме хотелось, чтобы *это* снова произошло.

А еще она казалась рассеянной, даже больше чем обычно. Все потому, что вчера после ужина у нее состоялась беседа с родителями. И Альма весь день прокручивала сказанное у себя в голове.

Снова и снова, снова и снова.

Беседа прошла следующим образом.

— Итак, Альма, — начал ее отец, сплетая пальцы: он так делал всегда, перед тем как сказать что-то важное. — Давай-ка проверим, как идут дела. Прошло уже три месяца с нашего

переезда и больше двух с последнего случая. Как, на твой взгляд, ты акклиматизируешься в Фор-Пойнтсе?

Не отрывая взгляда от макарон, к которым она едва при-
тонулась, Альма представила себя на просторах покрытой
снегом тундры в одном купальнике. Примерно так она аккли-
матизировалась. Как будто на улице был минус миллион гра-
дусов, а она оделась, словно собиралась на вечеринку у бас-
сейна.

Но Альма не хотела говорить это своему отцу, как и рас-
сказывать ему правду. Она знала, что правда приведет лишь
к новой беседе о том, чего нельзя было исправить.

— Альма? — позвал ее отец. — Ты слушаешь?

— Да, — ответила Альма. — И мне кажется, что я очень
хорошо акклиматизируюсь. Погода мне нравится. Все в по-
рядке. По крайней мере, я так думаю.

До сих пор она говорила без улыбки, но в этот момент ре-
шила улыбнуться. Ощущения были странные — как будто она
надела на лицо очень тугую и тесную маску.

— Рад это слышать. Уверен, ты понимаешь, почему мы
с мамой обеспокоены.

— Понимаю, — сказала Альма. — Правда понимаю. Лю-
бой забеспокоился бы на вашем месте. Но вам не стоит вол-
новаться.

Отец Альмы поднял палец.

— Нас тревожат записки от твоих учителей.

Поднял второй.

— И то, что ты все еще не хочешь выходить из дома.

Поднял третий.

— И еще то, что ты не пытаешься ни с кем подружиться.

— Я *пытаюсь*, — ответила Альма. — Все время пытаюсь. Целыми днями. Я действительно постоянно стараюсь акклиматизироваться.

Прежде в этом месте беседы отец Альмы иногда перегибал палку, спрашивая, *как именно* она старается и *что* планирует в будущем делать по-другому. Поэтому сейчас в разговор включилась мать Альмы.

— Мы знаем, что так и есть, Альма-Лама, — сказала она. — Но три головы лучше, чем одна, верно? Почему бы нам вместе не подумать, что еще можно сделать?

Мать улыбнулась Альме. Альма сомневалась, что ее мама когда-либо чувствовала себя так, словно носит маску. Она была из тех, кто много улыбается, причем каждый раз совершенно искренне.

— Может, тебе подсесть к новой компании за обедом? — предложила мама. — Посмеяться над чьей-то шуткой? Заняться каким-нибудь спортом? Вступить в кружок? Это же самое простое: почему бы тебе и правда не вступить в кружок? Или даже... даже пойти погулять?

Она положила подбородок на кулак и постукивала пальцем по губам, будто все эти идеи пришли ей в голову только что.

Но все было совсем не так. Каждый раз, когда у них бывали беседы, мама говорила одно и то же.

И каждый раз Альма реагировала так же, как вчера: улыбалась и кивала. Она улыбалась и кивала, хотя чувствовала, как

яркий свет, наполнявший ее изнутри, становится все более и более тусклым. А ведь именно благодаря ему она была сама собой, была Альмой.

Закончилась вчерашняя беседа тоже как обычно. Отец Альмы, наморщив лоб и снова тесно переплетя пальцы, сказал:

— Я знаю, что тебе трудно дался переезд и поступление Джеймса в колледж, но ты обязана что-то с этим сделать, приложить какие-то усилия. Теперь наш дом здесь. Попытайся что-то изменить, Альма.

Она кивнула и улыбнулась:

— Я пытаюсь. Правда пытаюсь. Правда-правда.

Позже Альма поднялась в свою новую комнату, цвет которой ей не нравился, и свернулась калачиком под новым одеялом, которое слишком сильно колосось. Она пролежала без сна несколько часов, прислушиваясь к мыслям, которые снова, и снова, и снова крутились у нее в голове, как бывало каждую ночь.

Альма не спала и чувствовала, как тьма наполняет ее изнутри, как тускнеет свет, благодаря которому она была собой.

Потому что в последний раз *это* случилось с ней не два с лишним месяца назад, как она уверяла родителей. *Это* повторилось вчера.

И это никогда не прекратится.

И она никогда не заведет новых друзей.

И она никогда не почувствует себя здесь как дома.

И с этим ничего, ничего, ничегошеньки нельзя поделать.

Так что в тот день, когда Альма увидела флаер, она спешила и была рассеянна. Альма вскочила со своего места и, как всегда, выбежала из класса сразу после звонка. Она, как обычно, бежала по коридору. Ее глаза не отрывались от финишной черты — ручки входной двери.

Затем ее рука легла на дверь, а глаза глянули чуть выше.

И Альма увидела звезды.

Глава 3

Звезды — белые, красные, желтые, голубые — подчеркивали черноту фона флаера. Бумажное небо пересекали золотые буквы:

«Вы состоите из элементов и квинтэссенции, — гласили буквы. — Узнайте больше в астрономическом кружке, который собирается каждый четверг после школы в научной лаборатории».

«Элементы и квинтэссенция», — еще раз перечитала Альма.

— Квинтэссенция, — произнесла она вслух, хоть и знала, что не должна разговаривать сама с собой.

Эта привычка не помогала ей завести друзей. Как и то, что она вплетала в свои длинные каштановые волосы сухие цветы и перья. Или оседала на пол посреди коридора и вылетала из класса прежде, чем остальные успевали встать из-за парт.

Она не знала, что такое *квинтэссенция*, но ей нравилось, как звучит это слово. Оно напомнило ей ту яркую субстанцию: Альма представляла, как этот свет наполняет ее изнутри. Благодаря ему она была самой собой.

Альма дотронулась до крошечных звезд, до каждой по очереди. Разумеется, они были сделаны из бумаги. Но ей казалось, что она чувствует тепло под пальцами и видит их яркий свет.

Несмотря на то что четверг был уже завтра, флаер выглядел совсем новым, нетронутым и разглаженным.

Казалось, что его только что приклеили к двери.

— Его словно приклеили для меня, — сказала Альма звездам.

И вот прямо перед ней было именно то, что предлагала ее мать.

И об этом говорил ее отец, когда просил, чтобы она *акклиматизировалась*.

Наконец-то Альма действительно могла что-то сделать.

Она отлепила флаер от двери, потихоньку, сантиметр за сантиметром, чтобы не порвать его, потом сложила его и сунула в школьную сумку.

Впервые за долгое время она почувствовала себя Альмой, почувствовала внутри себя яркую субстанцию вместо тьмы.

Она ощущала, что светится изнутри.

Ничего удивительного, ведь за ее спиной сияли звезды.